

Василий ТИШКОВ-ОДОЕВСКИЙ

Как по берегу крутому

Литературные страницы из родовой летописи

Окончание. Начало в № 3(76) 2016

Сердце

Кинофильм «Наш дом — Земля наша». 1974 год. В приледниковых распадках нагорной Тофаларии берет своё начало Красная Бирюсинка. На широких успокоенных перекатах речка так чиста и прозрачна, что кажется, не вода струится, а скользит по цветным галечникам звонкий свет. Хвойная зелень преломляет солнечные лучи, рассеивает изумрудный поток на блёстки, и даже напев воды здесь особенный, как мягкие рулады птицы горлинка.

Спешивается всадник, склоняется к воде. Зачерпнув пригоршнями воду, ополаскивает потное лицо, шею, потом медленно пьёт. Капли неспешно стекают с рук, с курчавой бороды.

Уставшая лошадь, чуть согнув ноги, словно преклоняясь перед освежающей чистой водой, припала мягкими губами к звонким струям, пьёт, косит агатовым глазом на мерцающие блики-лучики, сторожко прядает ушами.

А человек засмотрелся на весёлый разговор солнца и воды, на сбегающий распадком кедровый зачёрк увала, на темно-зелёную роздымь ущелья. И вдруг глаза его встретились с другими глазами, в которых сразу и беспредельный страх, и детское любопытство. Глаза человека потеплели, а рука предательски потянулась за ружьём.

Метрах в двадцати на скалистом уступе замерла кабарожка. Она как струна тянулась к человеку, ножки её мелко дрожали, а глаза спрашивали: кто ты и почему на тебе такая смешная шкура? Улыбнулся человек тихо, одними глазами, вспомнив почему-то нелепые рифмы ну очень детского стихотворца:

Закинув за спину рога,
Летит по склону кабарга.

Никогда не было рогов у кабарги. Ростом она меньше овечки, а шерстяной покров настолько густ, что местные тофы-оленоводы шутят: у кабарожки, мол, шерсти на клоч больше, чем у оленя. Это самый удивительный и самый маленький подвид оленя. Живёт кабарга в скалах, питается лишайниками, что растут на лиственнице. Любопытна и труслива, как женщина. Увидев что-то новое, замрёт в стойке, вся дрожит от страха, но не убегает. Совершенно не выносит боли и неволи. Умирает от разрыва сердца. Говорят, ни в одном городском зоопарке нет кабарги. Может быть, это и хорошо...

Рука человека так и не дотянулась до ружья. Слишком близко были глаза этого маленького создания. А в них он прочёл почтительный испуг и удивление.

И ещё вспомнил, только не стихи, а горькую прозу.

Эта нетронутая тайга, цветы и травы, реки и горы Центрального Саяна, дают нам самое главное — кислород, без которого немислима жизнь, в том числе и жизнь самого человека. Но что получается? Весь годовой запас кислорода с такой огромной площади, как Тофалария, пожирает десяток воздушных исполинов за один перелёт из Америки в Европу. Уже сейчас многие развитые страны поглощают кислорода больше, чем вырабатывает природа их территории. Значит, народы этих стран уже сейчас живут, в прямом смысле этого слова, за счёт других территорий. И за счёт вот этой земли, Тофаларии, такой же доверчивой, как сердце маленькой кабарожки, как сердце самой природы, мгновенно разрывающееся от боли и неволи.

...Исчез всадник в зелёном мираже ущелья. Осталась на скалистом уступе маленькая кабарожка. Она слушала, как внизу продолжала напевать негромкие свои рулады Красная Бирюсинка.

Свет родимой звезды

Реставрация души. 1991 год. Музей под открытым небом одного скульптора в Талицах начинался, пожалуй, с самой известной работы В.М. Клыкова «Сергий Радонежский». О необычной судьбе этого произведения много говорили и писали, однако ещё не сказано главного. Это должно было случиться. Получившая широкую огласку история с арестом скульптуры в день её доставки на место установки в Радонеже послужила мощным импульсом к пробуждению памяти о Сергии. Начали появляться статьи, книги, фильмы, песни, радиопередачи, была, наконец, установлена и копия скульптуры игумена в Радонеже. Всё это озарено светом народного покаяния и возрождения православия на Руси. Ну, а сам опальный оригинал мы нашли и установили в Талицах на исходе лета 1991 года.

У музейщиков, архитекторов и реставраторов есть свои секреты видения пространства в парковых зонах, размещения и сохранности скульптурных произведений. Потому я с тревогой ждал приближения зимы и называл Клыкову: мол, приезжай, надо срочно довести дело до ума или сотворить консервацию скульптуры. Вот уже и ноябрьский знобкий ветер сорил то мелким дождём, то липким снегом. По настроению души и поведению зимующих у нас птиц в ближайшие дни угадывался крутой зазимок. А в тот субботний день казалось, что расхристанная облачность цепляется за верхушки лип в нашем парке, где-то и что-то скрипуче шумело, тревожно вскрикивали галки, да ещё неурочный пост и одиночество: на всем комплексе я остался один.

Последние жданки в помощниках были уже съедены, пришлось самому и безотлагательно завершить работу. Оделся по-зимнему, принёс стремянки, инструмент, заготовил нужные растворы и, благословясь, за дело. Всё привычно и складно: раствор в норме, стремянка не

скользит по холму, никто не даёт советы, работа ладится, как добрая песня поётся. Осталось установить позолоченный нимб, и тут вышла осечка. Нимб не хотел вставать на место. Я суетно летел со стремянки, глядел слева, глядел справа, снова взлетал по шатким ступенькам вверх, колдовал и так, и эдак — ну никакого проку! А тут ещё ветер схулиганил, перевернул плочку с раствором прямо на грудь. Вся борода моя в цементе, схватится — не расчешешь, но прихорашиваться недосуг. Часа два бился впустую. До отчаяния. И то! У меня ведь всегда, думаю, получалось. Почти...

Ладно. Сошёл вниз. Окоротил свой гнев на мастеров, что нимб отливали. Тихо и успокоено обошёл по кругу холм. Глянул на затенённый лик преподобного.

— Отче... Или я что-то не так делаю? Молчит Сергей. Однако и ветер, кажется, стих...

Я пулей рванул по стремянке вверх. В минуты, как по подсказке, нимб встал на место. На радостях я сразу не заметил — в мире что-то случилось невероятное.

Убрав в сторону подручный инструмент, я отступил от холма, чтобы оценить свою работу, и глянул вверх. И оробел от неожиданности, медленно стянул с головы шапку.

Нимб над головою Сергия горел золотым огнём в лучах полуденного солнца. Над Талицким комплексом ни облачка, в пространстве мирная тишина.

— И-эх! — всколыхнулась душа. — Ну почему я это вижу один?!

Тут за спиной раздался спокойный, с покашливанием, голос родного мне человека:

— Здравствуйте, Василий Петрович!

Круто обернулся. Подошёл Чернов. Собственной персоной.

— Откуда, Евгений Евгеньевич?

— Да и не собирался вроде. И погода... Что вы с ней здесь накудесничали? Кругом хлябь предвзимняя, а у вас света целое море.

— Это не я, Евгений Евгеньевич. Это свет, зажжённый шесть веков назад, к нам сегодня пробился.

— Поздравляю. Вы получили благословение самого преподобного Сергия. А это что-то да значит в нашей жизни.

На дороге притормаживали автобусы, и пассажиры о чём-то говорили, смотря на ярко горящий среди парка нимб.

Пришли две старушки — баба Маня с соседкой — и пали на колени у подножия холма.

Из дома через дорогу выбежал мужик, застёгивая на ходу телогрейку, простоволосый и небритый с похмелья. На левой ноге сапог, на правой — валенок, перепутал впопыхах. Прислонился к старой липе, стесняясь подойти к женщинам у холма, и крестился неумело, крестился, как мог.

Ночью выпал обильный снег. К берегам речки Талицы пожаловала матушка-зима.

Притча во языцех

Крах державы. 1992 год. В 1946-м мне исполнилось десять лет и я уже в ряду косарей стоял вторым после старика Сыромятина. Он-то и подарил мне старую берданку 32-го калибра. Я обрезал на треть ложе, на треть ствол, и стал ходить на охоту. А за мной охотился участковый милиционер Доценко, чтобы отнять оружие у «ребёнка». Четыре года шла игра в «кошки-мышки».

Я шёл на охоту с одним патроном, больше старик Сыромятин не давал, но никогда не возвращался пустым — тут поневоле заделаешься снайпером. А Доценко всё же застучал, когда у меня была уже настоящая двухствольная «тулка» чок-получок. Я наставил стволы ему в пах.

— Привет, тыловой вояка. Дёрнешься, сделаю евнухом. И начальство добавит за нападение на сироту и сына фронтовика.

— Ну... Ты хоть берданку-то отдай. А то у меня никакого ружьишка нету...

Вот такие дела — пришлось повзрослеть за четыре года. А потом ещё 60 лет с хвостиком кряду, ни разу не был в пионерском лагере, санатории, курорте, отпуске.

Руки всегда искали заделю, а колы руки опускались, помогали верные друзья — книги. Цель в жизни — святое слово «надо». Ориентиры — генная память.

На торжественном приёме в честь открытия Талицкого комплекса был скульптор Вячеслав Клыков, помощник президента Александр Торшин, историк-писатель князь Станислав Романовский, настоятель храма из Радонежа отец Нектарий, парламентарий Сергей Бабурин, художник князь Олег Коныхин-Шуйский, ну и эти самые — полдюжины координаторов всяческих карманных партий и